

1: Незавершенные дела

БЕЛЛА

Это выше моих сил.
Закрываю глаза и делаю глубокий вдох...
Меня всю передергивает от мысли, что это только начало.

Ох, дед, мне уже тебя не хватает. Но как бы ни было горько это осознавать, в глубине души я рада, что ты не увидишь эти дрязги.

Не знаю, что хуже: смерть деда или безразличие и эгоизм родителей.

Промокнув бумажным платочком слезы, я медленно открываю глаза и внимательно смотрю по сторонам.

Казалось бы, горечь утраты должна немного притупиться. Но я чувствую себя так, словно плачу несколько лет, а не дней. Дедушка Джон был единственной стабильной, незыблемой частью моей жизни.

А сейчас... земля будто уходит из-под ног. В этом балагане не осталось ничего святого. Мои родители хотят денег. Они всегда их жаждали, но даже не дождались окончания похорон, чтобы начать строить грандиозные планы: приобрести

игрушку отцу — винодельню в Северной Калифорнии — и новую сауну для матери в комплекте с японским садом, который будет посажен лучшей командой из Токио.

Они продумывают инвестиционные схемы, которые в итоге их лишь разорят и разозлят, несмотря на все усилия превратить очередную сумму денег в неиссякаемый золотой дождь, способный утолить их растущий аппетит.

Господи! Дед, ты должен был оборвать с ними все связи много лет назад.

Меня гложет вина. Я немногим лучше: обучение в колледже, неудачные бизнес-проекты — все это оплачивал единственный терпеливый спонсор. Джон Рид.

Родители утверждают, что это они переводили деньги, но я-то знаю лучше. Мне помогал дед. Величайший человек, который когда-либо ходил по этой земле.

Он с рождения был не такой как все, единственный и неповторимый. Порой я задаюсь вопросом, унаследовал ли отец от него хоть что-то хорошее.

Будь моя воля, я бы наказала родителей за то, что они такие бессовестные, такие жадные, такие... предсказуемые. Однако ничем хорошим это не закончится.

Дед тщательно спланировал проводы в последний путь. Один из его сотрудников вместе с поверенным позаботились обо всех нюансах и организовали сегодняшнюю встречу.

Я приехала в Северную Дакоту вчера, а родители едва не опоздали на похороны, забежав в бюро сегодня утром, за пять минут до начала службы. Они так хотели успеть в адвокатскую контору на оглашение завещания, что даже

не удосужились присутствовать на прощании, даже не произнесли ни единого словечка в память о нем.

Джон покинул этот мир так же, как и пришел в него: тихо и просто. Лишь бесчисленные цветы и письма с соболезнованиями, которые люди присылали со всех уголков страны, служили доказательством его участия в огромном количестве человеческих судеб. Сегодня утром я читала все эти послания, сидя в одиночестве в похоронном бюро. Рядом была только маленькая урна, хранившая останки единственного близкого человека, который любил меня безусловно, со всеми недостатками.

— С вашего позволения, если не будете меня прерывать... — произносит Рейнольд Шеридан. Адвокат, чей кабинет выглядит таким же стандартным и безликим, как и владелец, указывает пальцем на родителей. — Мы узнаем ответы на ваши вопросы гораздо быстрее.

Мать явно раздражена. Отец гладит ее по руке. Я поджимаю губы.

Хм.

Пожалуй, этот парень мне нравится. Его суровый вид, по крайней мере, действует на родителей отрезвляюще. Они привыкли все делать по-своему, а тут какой-то поверенный вежливо ставит их на место. Дед, вероятно, проинструктировал мистера Шеридана, как себя с ними вести.

Глубокий вдох. Медленный выдох.

Зачем я здесь? Надеюсь, встреча движется к логическому завершению.

Отец — единственный наследник. Все внушительное состояние, включая огромное ранчо и нефтяную компанию стоимостью в десятиз-

начную цифру, достанется ему. *Им обоим*. Родители в браке дольше, чем я живу на свете. Я появилась через несколько лет, когда они устроили жизнь согласно своим желаниям. Всегда считала себя их единственным недочетом, от которого родители не смогли избавиться даже за большие деньги. Или от которого им не позволил избавиться дед.

Много раз слышала разговоры, что родители давно бы приобрели третий дом на Ланаи* или где-нибудь на другом экзотическом острове, если бы я *случайно* не свалилась им на голову.

Ни один из них не горел желанием воспитывать детей за границей, впрочем, и в Штатах тоже.

Испытываю чувство вины. Мы богаты, а отец сегодня преумножит капитал. Я должна быть благодарна.

Родители по сравнению с некоторыми людьми не такие уж монстры. И раньше у меня всегда был дед.

А теперь его нет. Осталось лишь наследство и память, но скоро меня лишат единственного места, которое я всегда считала домом.

Ранчо Рида.

Когда я была маленькая, я обожала подслушивать планы родителей на отпуск, потому что это означало, что я останусь с дедом. Я проводила на ранчо каждое лето и школьные каникулы.

Я пропускала там школу, когда родителям *«нужно было уехать, чтобы немного отвлечься»*. Хотя не понимала, от чего именно, ведь они никогда не трудились на обычной работе.

Отец входит в состав совета директоров нефтяной компании «Норт Эрхарт», принадлежавшей

* Ланаи — шестой по размеру остров Гавайского архипелага.

деду. Должность была придумана специально для него, хотя, конечно, это все же выглядело лучше, чем если бы он просто получал от Джона чек.

Не знаю, что произошло и почему они так и не ужились вместе. Дед когда-то обмолвился, что ему проще давать деньги и жить вдвоём.

Семейные ужины, полные любви и смеха? Совместные праздники, когда кто-то, выпив лишку, вдруг выбалтывает страшные секреты? Не наш вариант.

Дед и родители жили в совершенно разных мирах, существующих в параллельных плоскостях. Ни единого шанса на пересечение.

Да и я хороша: в последний раз в Далласе, Северная Дакота, была шесть лет назад.

Время не лечит. После окончания средней школы я провела с дедом лето, затем переехала в Калифорнию и поступила в колледж.

Каникулы были напрочь забыты. Черт, как любой отдых в принципе. Шесть лет пронеслись незаметно в отчаянных усилиях повзрослеть.

От каких жизненных ошибок нас обычно предостерегают? Я вляпалась во все возможные. Просто на раз-два. Когда все потенциальные «грабли» закончились, я имела на счету уже пару загубленных дел. А сейчас я покончила еще с одним.

Три страйка, Белла, ты в проле-е-ете-е-е!

Жаль, что первых двух раз не хватило.

Недвижимость плюс Калифорния плюс я? Это уравнение не смог бы решить даже Эйнштейн.

Меня не ободрали как липку, как выразился бы дед, но каждый раз я едва наскребала денег, чтобы отдать родителям долг. Дед, который на самом деле меня спонсировал, говорил, что этот опыт пригодится в следующий раз.

Для очередного провала.

Если бы за каждое возникшее желание очутиться дома, на ранчо у деда, давали десять центов, клянусь, я была бы богаче родителей, даже с учетом получения ими наследства после этой чертовой встречи!

Я пытаюсь представить следующие шесть кошмарных месяцев. Первым делом родители наверняка продадут старое ранчо.

Они ненавидят это место. Именно из-за матери отец уехал отсюда в самый первый раз и больше никогда не возвращался. Это именно она хотела как можно быстрее покинуть этот город и знала, что брак — ее счастливый билет. Это сработало... и работает уже более двадцати лет в нашей странной, неправильной семье.

Мамин судорожный вздох останавливает мой поток мыслей.

— Да сами посудите! — кричит папа, подняв палец. — Вы же умный человек. Да не может, просто не может *такого быть*, чтобы отец так поступил! Это какая-то ошибка.

Я задерживаю дыхание, задаваясь вопросом, что я упустила. *Разговор шел вполне мило. Значит, только что было сказано что-то важное, из-за чего все начали спорить как сумасшедшие.*

— Никакой ошибки, сэр. Вы сами можете прочитать это вот тут, — говорит Шеридан, спуская очки на нос. — Завещание Джона предельно понятно. Все активы, счета, пакеты акций компании «Норт Эрхарт» и любое движимое имущество теперь принадлежат его внучке, госпоже Белле Рид. — Он пристально смотрит на меня. — Аннабель Амелии Рид, если быть совершенно точным.

Ого. Это же я. Аннабель Амелия Рид.

Меня назвали в честь знаменитой Амелии Эрхарт*, которой дед, как он клялся, приходился дальним родственником. Он объединил имена Аннабель и Амелия в Беллу и называл меня только так.

— Простите. Что?

— Джон Рид был старым маразматиком! — возражает мама. — Я не верю, Гарри.

Она сверкает глазами в сторону отца, пока тот тербит переносицу и бормочет что-то типа: «*Приплыли*».

— Это какой-то дурацкий розыгрыш! Попытка старого дурака поиграть с нами из могилы. Слушайте внимательно, мистер Шеридан. Ни за что на свете Аннабель не достанется все это. Она слишком молода.

Я стараюсь не засмеяться, услышав эту нелепость. После процедур ботокса она все еще не контролирует мимику. Но мне достаточно одного ее тона. Мать жутко ревновала меня к деду, кроме тех моментов, когда это было ей невыгодно. Например, когда мой визит к деду, забиравшему меня в Даллас, нарушал ее планы или, по ее же словам, когда он «совал свой длинный нос куда не следует».

Это было некрасиво, как, впрочем, и сейчас.

— Ей уже давно исполнился двадцать один год**, — спокойно замечает Шеридан. — С юри-

* Амелия Эрхарт (англ. Amelia Mary Earhart; 24 июля 1897 — пропала без вести 2 июля 1937) — американская писательница и пионер авиации. Была первой женщиной-пилотом, перелетевшей Атлантический океан, за что была награждена Крестом Летных Заслуг. Написала несколько книг-бестселлеров о своих полетах.

** Двадцать один год — возраст, с которого гражданин США полноправно может участвовать в голосовании, служить в правоохранительных органах и пользоваться привилегиями совершеннолетнего в полном объеме.

дической точки зрения, в соответствии с федеральным законодательством и законодательством Северной Дакоты, она наследует все по воле мистера Рида. Все это. — Он едва заметно улыбается, когда смотрит на меня. — Включая мистера Эдисона.

Эдисон! Сердце замирает.

— О боже... он еще жив?

— Жив и доставляет кучу проблем, больше, чем когда-либо, — говорит Шеридан с хитрой усмешкой.

Эдисон — самая умная лошадь на земле. Ему должно быть больше тридцати, так что он древний старик. С улыбкой я представляю Эдисона: угольно-черный с белой полосой на лбу. Этот конь — практически Гудини, прирожденный фокусник, что за считанные секунды может выбраться из любых цепей и оков. Дед не упоминал его ни в одном из последних телефонных разговоров, а я боялась спрашивать, опасаясь вестей о смерти. Джон любил эту лошадь так же, как и я. Как еще взрослая женщина может относиться к своему любимому с детства приятелю?

— Да это просто смешно! Что она будет делать с ранчо и нефтяной компанией, сидя в этой глуши? — огрызается мать.

Шеридан приподнимает седую бровь.

— Все, что ей угодно, миссис Рид.

— Но она не может. У нее есть обязательства в Калифорнии. — Колючий взгляд матери устремляется в мою сторону. Губы поджаты; она ожидает, что я поддержу ее. *«Скажи хоть что-нибудь, черт тебя поберу»*, — читается на ее лице.

— На самом деле... нет, нет никаких обязательств. Они были до прошлой недели, пока я не оформила все документы на ликвидацию

предприятия. — Я вздрагиваю, зная, что не стоило этого говорить.

Все и так довольно плохо. Возможно, дед хотел, чтобы я немного развеялась?

Отец качает головой и отводит глаза. Он в шоке, опустошен и хочет *покончить* с этим.

— Мисс Рид, должен сказать, что есть несколько условий, которые нам с вами необходимо обсудить в частном порядке. — Шеридан бросает несколько усталый взгляд на родителей. — И это тоже оговорено в завещании.

— Я вам покажу условия, — сипло шепчет мать, громко вздыхая. — И это после всего, что мы для нее сделали!

Она хватает свою сине-белую тисненую сумочку от Gucci, идеальный аксессуар для выхода в люди.

— Хватит! Никогда еще меня так не оскорбляли. — Встав, она резко обращается к отцу: — Идем, Гарри.

Это команда следовать за ней, и мужчина ее выполняет.

Взгляд, которым он смотрит на меня, когда встает, *почти* сочувствующий. На какое-то короткое мгновение я замечаю сходство с дедом — главным образом в ярко-зеленых глазах, как у меня.

Он поворачивается к адвокату.

— Полагаю, вы хотите, чтобы мы подождали снаружи?

Шеридан поднимается со стула, кажется, целую вечность. Он высокий и худой, словно фонарный столб.

— На ваше усмотрение, — отвечает тот. — Вы можете вернуться в отель или, например, посетить кладбище.

На секунду родители замирают.

Он знает, что они не пошли на похороны днем. Только я присутствовала на погребении маленькой урны, больше похожей на цветочный горшок. Единственная душа, кроме служителя, который следил за церемонией.

— Я вас умоляю! В отель... в эту лачугу? — говорит мама возле двери. — Национальная сеть отелей — это ад! Вы хоть представляете, как их жуткий отбеливатель для постельного белья вливает на кожу?

Я стараюсь не закатывать глаза. Если бы хоть половину ее упреков мы могли переложить на постельное белье.

— Мы будем в вестибюле, Аннабель, — предупреждает отец, догоняя жену как раз вовремя, чтобы открыть дверь.

Я киваю, сглатывая комок, растущий в горле, и искренне не желая проходить через это в одиночку.

— Могу я вам что-нибудь предложить? — спрашивает Шеридан, как только дверь закрывается, оставляя нас двоих в кабинете. — Кофе? Стакан воды?

Я качаю головой, радуясь, что все еще могу двигаться. Ощущаю себя окаменевшей и переполненной страхами. У меня уже были три неудачных бизнеса, связанных с арендой, и каждый раз я думала, что справлюсь и начну получать прибыль.

Как я смогу справиться со сложнейшей империей, созданной дедом? Смогу ли я управлять ею должным образом?

Нефтяная компания в наследство? Да я даже не знаю цену на бензин!

Может быть, мама права: *я не смогу*.

Я начинаю паниковать.

Мистер Шеридан медленно опускается на стул и внимательно изучает меня.

— Прошу простить, мисс Рид. У меня недавно была операция на спине, поэтому я еще не очень быстро двигаюсь.

Я снова киваю. Затем, чтобы хоть как-то отреагировать на его слова, говорю:

— Надеюсь, вам скоро станет лучше. У деда было нечто подобное, лет десять назад... Год спустя он уже передвигался на инвалидном кресле. — Боже. Я действительно не в себе.

— Ну, надеюсь хоть наполовину быть таким же везунчиком. Но позвольте успокоить вас: вы не останетесь один на один с этим наследством. Ваш дедушка был осторожным человеком и умел грамотно планировать. Он щедро оплатил мои услуги, чтобы вы могли пользоваться ими сколько необходимо. Кроме того, вы получаете полную поддержку его самого надежного компаньона, который указан в завещании. Мистер Ларкин предоставит вам все, что может понадобиться.

Его... компаньон? Мистер Ларкин? *Что за?..*

Я знала, что у деда есть какой-то помощник по дому, но... в голове совершенно не отложилось имя этого человека. Дед особо не рассказывал о нем, лишь упомянул несколько раз.

Вроде что кто-то работает на ранчо и иногда занимается вопросами, связанными с бизнесом. Старый армейский приятель или кто-то в этом роде. Хозяйство большое, но сейчас оно требует не так много забот, как раньше.

Дед продал скот и птицу много лет назад, а большую часть земли сдавал в аренду. Скорее всего, тот человек был на подхвате, выполняя время от времени работу, с которой Джон не мог справиться из-за возраста.

Честно говоря, я была рада, что рядом с ним кто-то есть. Нужно было задавать больше вопросов, но все телефонные разговоры сводились к одной теме — ко мне. Об этом Джон мог говорить бесконечно. Возможно, он жил ради этих рассказов, чтобы услышать, что делаю, когда возвращаюсь домой... Мы могли болтать часами.

Жаль, что я так и не съездила к деду.

Он знал обо мне все: мою жизнь, мечты, победы. А сейчас я здесь, и у меня куча помощников. Старые адвокат, компаньон и конь. Надеюсь, я не уморю их за ближайшую неделю.

Ловлю себя на том, что вновь качаю головой. Какие ужасные, эгоистичные мысли. Надеюсь, это не результат материнского воспитания.

Я опускаю руки на колени, обтянутые черным траурным платьем, и сосредотачиваюсь на словах Шеридана.

— ...должны прожить на ранчо не менее шести месяцев. Я буду регулярно проверять вас. Есть ли вопросы?

Я не услышала большей части вопросов, но я киваю. Не хочу, чтобы он знал, что в бизнесе я неудачница. Даже сейчас, во время простого разговора, я умудрилась все пропустить.

Мои плечи опускаются. Мужчина, наверное, и так это понимает.

У меня есть шесть месяцев, чтобы сделать что-то путное или окончательно все развалить. Только бог знает, что тогда произойдет. Возможно, Шеридан тоже в курсе, но пока я не хочу этого знать.

— Как я уже говорил, — продолжает он, — дела Джона в идеальном порядке, до последней запятой. Компанией «Норт Эрхарт» управляет совет директоров. Структура управления сложная,

в эти вопросы я вовлечен неглубоко, но буду готов помочь, если вы столкнетесь с недоразумениями, связанными с ролью владелицы компании.

Меня гнетет груз ответственности. Просто мысль сесть в кресло деда напротив сборища чопорных директоров заставляет желудок взбунтоваться.

Киваю, тяжело сглатывая. Притворяюсь, что все будет просто замечательно.

Адвокат откидывается на спинку кресла.

— Как я ранее сказал вашему отцу, его должность в компании не изменится, равно как и доход. Джон не видел нужды в изменении этой статьи расходов.

Если честно, вряд ли он на самом деле заслуживает эту шестизначную зарплату, но я знаю, что родители придут в бешенство, если потеряют этот доход.

Мой прадед был нефтяником, и дед унаследовал от него небольшое, но прибыльное предприятие. А когда в Северной Дакоте грянул нефтяной бум, «Норт Эрхарт», возглавляемая Джоном, превратилась в процветающую компанию. Даже моя мамочка невероятно любила упоминать этот факт.

— Понимаю, что это очень большая ответственность. Особенно для кого-то столь юного, как вы. Однако я здесь, чтобы помогать двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Просто позвоните, — произносит мужчина, улыбаясь краешками губ. — Джон был очень конкретным в своих пожеланиях и в том, как они должны контролироваться. Я поклялся, что строго прослежу за исполнением всех условий.

Я соглашаюсь. Что еще я могу сделать? Тут либо плыви, либо тони, а я на воде могу держаться только «собачьим» стилем.

И все же я не могу позволить этому случиться. Мистер Шеридан пододвигает ко мне стопку бумаг.

— Необходимо, чтобы вы подписали эти документы. В двух экземплярах. Здесь содержится информация, которую мы сейчас обсуждали.

Я беру ручку и механически ставлю подпись рядом с маленькими красными стикерами.

— Вы уже были на ранчо? — спрашивает он.

— Нет. Едва позвонили, я собралась и поехала сюда, — отвечаю, подписывая второй экземпляр. — Я прибыла вчера и кинулась в похоронное бюро. Ночью оставалась в отеле, а утром уехала на похороны, затем сразу к вам на встречу.

Мужчина забрал оба экземпляра.

— Понимаю. У вас есть ключ от дома?

— Да.

Этот ключ ни разу не убирался из связки с тех пор, как дед дал его мне в двенадцать лет. Я никогда никому его не давала. Это был мой символ принадлежности к какому-то *определенному месту*.

— Вам выдать ваш экземпляр или хотите, чтобы я оставил его у себя? — Улыбка Шеридана вызывает симпатию. — Если необходимо, мы сможем еще раз все обсудить через несколько дней, когда вы немного отойдете от шока.

Я задумываюсь о родителях. Пока они не уедут, будет лучше хранить документы вне зоны их доступа.

— Лучше пусть останется у вас. Когда понадобится, я попрошу его.

— Прекрасно. Пока вы не ушли, еще один момент...

Я смотрю на него, ощущая приближение новой волны паники. Заметив в его руках белый конверт, судорожно выхватываю его.